

Людмила Маравя

ПО ВОДУ

Донецкая хроника

– Слушайте, Людмила, немедленно берите свой паспорт и идите срочно получать воду! – И мой давний приятель, взволнованно и ответственно, назвал адрес раздачи населению нашего района питьевой воды.

Было это в разгар знойного августовского дня, с самого утра нещадно томившего город безветренным зноем. Кто знает, что за действие это такое, – раздача воды населению? Бегло соображала: воды, технической, в водопроводных кранах ещё нет. Трубы шумно прокашляются, поднатужатся, оживут и активно забулькают в домах особенно нынче ценимой водяной радостью только в семь вечера. До десяти – успеть бы постираться и освежить домашний порядок. А час донецкого полудня в перезревшем безветрии августовского зноя – ещё не вечер.

Минут десять ходу до пункта назначения, с паспортом в сумке, и, вуаля!, предстоит познать неизведанное: обзавестись питьевой водой по месту прописки. Ею, разлитой по бутылкам и привезённой издалека, обзавестись теперь можно и в магазинах по рыночной цене, загодя, на годы вперёд выгодно для себя, просчитанной расторопными местными коммерсантами.

Между тем, как неприметные ручейки дружно стекаются из окружающего мира к истоку реки, так и люди, одиночно спешащие, или – сбитые в пары знакомые-приятели, вереницами громкогласно экзотического любопытства выныривали из неряшливо застолблённой неопрятности городских дворов, насквозь проросших плешивыми мхами затёрто унылого отшельничества, и уверенно тянулись к районной школе.

Там гулом многих голосов гудело замкнутое пространство спортивного зала. И сразу виделись в нём ровно обустроенные на полу ряды грузно пузатых пластиковых бутылей, а потом –

небольшие столы, выстроенные одним рядом у стены, формировавшей ширину зала. Во главе каждого стола сидели две женщины. Напротив них – счастливики, дождавшиеся-таки своего водного часа. У одного из столов стул был свободен.

В почти полностью уже заполненный бланк, лежавший на столе, женщина тут же записала мои данные. После чего дала квадратик бумаги, на котором вручную, по диагонали бумажки, было жирно написано: 5 литров.

Крохотульку-бумажку я отдала другой женщине. И она, нагнувшись, ловко отделила от пола пятилитровую пластиковую бутылку. Рядом суетился горячо распаренный штучно-доставочной работой парень. Он подносил и подносил к столу дерзко выдернутые из прозрачных тисков целлофановых упаковок увесистые баклажки с водой.

– Приходите завтра. – Озадачила меня женщина, передавая в мои руки воду.

– Завтра?!

– Да, завтра, – ответила женщина.

– Это что за акция такая? – удивилась я.

– Гуманитарка. – Женщина посерьёзнула. – Из России.

– Приходить в любое время?

– Как вам удобно. С десяти утра и до четырёх дня. – Она уже поднимала другую бутылку с пола. К столу подходили люди с прописными бумажками – 5 литров – в руках. Бесперебойно, во избежание суматошной толкотни, работал конвейер по обеспечению населения питьевой водой.

С этого момента начиналась новая глава Донецкой блокады, пока часы устойчивого Донецкого безвременья превращались в безмерность длинной дороги, ведущей в дымно-прогорклые потёмки неизвестности. Другим оно быть не может в краю тысячно разорвавшихся и неразорвавшихся мин и снарядов. И в искажённом свете печали, дрейфующей по скверным обломкам утерянного мирного благополучия, обретают они смысл никак не предвиденных особенностей бестолковой, не упорядоченной осмысленностью полувоенной жизни.

Уже на второй день водного изобилия в гулкой протяжённости обалдевшего от нескончаемых обстрелов города обозначи-

лись чёткие пунктиры движения горожан к водным источникам. В каждом городском районе – их несколько. И, если в первый день суматошно-стихийного водного изобилия скопления людей запомнились своей массовой обезличенностью, то в каждом последующем дне всё определённое распечатывались на огромном полотне внимательной образной.

– А я себе делаю ванну, когда захочу. – Высокая, сероглазая женщина пробежалась глазами по лицам обступивших её людей.

– Да ладно тебе, подруга. – Вызов красивой и в преклонных годах гордячки принял сиво-пегий, давно не стриженный гражданин, в чёрных шортах и растянувшейся белой футболке с красной надписью на груди: YOU CAN! – ТЫ МОЖЕШЬ! Понятное дело, жара достала, а поспорить – так это всегда охота.

– Да, делаю...

– Можешь, значит...

– Могу. У меня есть 10-литровая эмалированная кастрюля. В ней я три раза подряд нагреваю воду на газе, кастрюлю лучше крышкой накрыть, кипятик сливаю в ванну, разбавляю крутяк технической водой из крана, вечером её – бери из крана, не хочу, и лежу себе в тёпленькой водичке, сколько пожелается. Иногда и соль, ароматизированную, в воду добавляю...

Неожиданная для всех новость – ароматизированная ванна, тёплая, почти полная! Когда воду и не во всех районах дают, а если и течёт она из кранов, то напоминает больше мутную, илистую жидкость...

– А кто же тебе кастрюли тогда в ванную ту затаскивает? – Нашёлся мужчина.

– Да сама и таскаю! – Потрясающий акт женского высокомерия. Перед выскочкой-слабаком, естественно, мужчиной.

– По десять литров – каждая ходка?! Сама таскаю, вы чего, бабуля?!

– А того, что в шахте работала, вагонетки с углём, что не знаешь, поди, куда уж потяжелее будут каких-то кастрюль с водой, а я таскала.

– А-а-а... – протянул мужчина.

– Шахтёрка, из наших. Я тоже оттуда буду. – Другой мужчина, из толпы, с чувством шахтёрской солидарности постучал крепко сжатым кулаком правой руки себя в грудь. И назвал известную донбасскую шахту, где, по его словам, проработал почти двадцать лет.

Хочешь – не хочешь, а надо выкроить в каждом наступившем дне время, чтобы отправиться по воду. В основном, её выдают в школах. И тархтят милые, обожаемые всем сердцем городские улицы скрипом-визгом ручных тележек, наполненных бутылками с питьевой водой. Их спонтанно сконструированная, из всего, что было под руками, допотопность изумляет полётами новаторских мыслей местных инженеров-самоучек. Можно увидеть магазинные пластмассовые ящики, устойчиво прилаженные потёртыми мужскими ремнями к разболтанному, но всё ещё бегающим по асфальту колёсикам. Можно улыбнуться при виде картонных ящиков, ладно прикуроченных к длинным прожарившим ручкам разноцветными тесёмками, напоминающими истончённые пояса от женских халатов. В ход идут и старые хозяйские сумки, из боевого арсенала былых любителей ходить по городским рынкам, во время усиленной летней консервации фруктов и овощей. А то и просто сверхплотные целлофановые пакеты, вмонтированные между основами длинных ручек передвижных тачек веселят своей пестротой людские столпотворения.

К слову, такие тележки для перевоза груза – иногда, при правильном инженерном расчёте распределения весовой нагрузки – до ста килограммов – называются в Украине «кравчучками». С ними украинские граждане бурно-хватко обживали перестроечно-челночное время. Как понимается, оно не подвластно ничьему хотению и велению. Оно, как устойчивый антипод комфортности бытия, и не думает кончаться.

Но в один из дней...

– Какой сегодня сильный ветер! Ты посмотри, что сделал с деревьями... – Старушка тащила свою перекошенную от набитых в неё бутылок с водой тачку по проезжей части дороги с односторонним движением транспорта.

Двигалась бабушка очень медленно. Волокла она визгливо всхлипывавший на каждой кочке двухколёсный возок, с водным грузом, одной рукой, в другой у неё была деревянная клюка. На неё она тяжело опиралась, когда останавливалась, чтобы передохнуть, внимательно оглядеться по сторонам. И поправить очки, без одного дужка. Вместо одного виднелась обычная резинка, обвязанная вокруг старушкиного уха.

– Какой же это ветер, бабуля... – Я ужаснулась. Но тихо добавила: – Обстрел же был чуть больше получаса назад...

Бабушка, мне показалось, и не поняла, о чём я говорю. Хотя смотрели мы с ней на одни и те же многолетние деревья, распловиненные надвое осколками крупнокалиберного снаряда, разорвавшегося у одного из жилых домов. Жертв – не было. Но вся земля у того дома была осыпана россыпями разбитых оконных стёкол, вплоть до последнего, пятого этажа строения, утопавшего в пышной зелени листьев – тополя мои дорогие, тополя...

Это – уже не новость-кипяток. Хотя в самом Донецке новости распространяются очень быстро. Здесь не считается зазорным остановиться и заговорить с прохожим.

В тот же день, буквально через несколько шагов после разговора с отстранённо мыслящей бабушкой, совершенно не знакомый мне мужчина сообщил о мгновенной трагической смерти парня. Его машина ехала мимо аллеи из так здорово прижившихся в нашем городе лип, я нежно называю эти деревца из чудесного города Липецк – липушками, когда осколок от другого снаряда, разорвавшегося у жилого дома, одним кварталом ниже, у набережной Кальмиуса, отсёк тому парню голову.

Рядом, в машине, сидел отец погибшего трагической смертью молодого человека. Говорят, отец, насквозь пронзённый шоком пережитого от обвалившегося на него горя ужаса, даже и не вскрикнул...

...Уже месяц, как стоит под одной из лип бутылочка с водой, в ней – каждый день свежие цветы, алые розы, горящие вечным огнём скорби красные, туго-мохнатые комочки гвоздик. Длинные цветочные стебли, обвязанные траурными ленточками...

Утихомиренная пролитой кровью память.